

Черноглазая москвичка

Концерт Тамары Синявской в БЗК

Сколько в былые годы было народных артистов СССР — и не счесть. Скольких знали в народе? Не многих. Тамара Синявская носит звание по праву. Она действительно народная артистка. В этом можно было в очередной раз убедиться в минувшее воскресенье в Большом зале Московской

консерватории, где солистка театра давала сольный концерт вместе со своим концертмейстером Лией Могилевской. Восторженная публика, забившая до отказа зал консерватории, вспоминала молодую, яркую москвичку, впервые поразившую ее своим обаянием и редчайшим, бархатным контральто больше двадцати лет назад. С тех пор все изменилось, и не в лучшую сторону. Популярность Синявской среди «широких слоев населения» оказалась замешанной на скрытой полуэстрадности ее творчества, бесконечных «Голубых огоньках», «черноглазых казачках», слившихся с обликом певицы настолько, что наверняка где-нибудь на Кубани ее принимают за свою. Кроме того, воспоминания о романтическом браке с самым импозантным мужчиной 70-х не могли оставить равнодушными его многочисленных почитательниц.

Синявская не сберегла свой редкий голос, перепев за двадцать лет весь репертуар меццо-сопрано, чего делать вовсе не следовало. В отсутствие школы, а зачастую и элементарной выучки — ох уж эти стажировки в Ла Скала! Сколько раз нам рассказывали, как отечественные певцы бегали по магазинам, а за них учились прилежные японцы и настойчивые корейцы —, голос потерял яркость, регистры стали неровными, исчез бархатный «низ», превратившись в сплошное «чревовещание». Можно сказать, что голос певицы теперь состоит из одних недостатков. Виновата ли она в этом? Кто знает: ведь, оставаясь контральто, Синявская бы имела в Большом театре очень ограниченный репертуар, а партии меццо-сопрано так заманчивы! Неудачникам, которые не сберегли свой голос, приходится использовать иные приемы,

Обаяние Синявской действительно безгранично. Но вот о вкусе можно поспорить. Уже подбор репертуара сольного концерта вызывает недоумение. Он назывался «Избранное». Из русской вокальной классики? От Глинки до Шостаковича и Щедрина, всего по чуть-чуть. Из репертуара певицы? Нельзя не сказать об однообразности — ведь из года в год она поет одно и то же. При этом предпочтение отдастся чему-нибудь испанскому (здесь можно вместо пения поджать губки и дернуть плечиком) или русскому-народному (опять же, поокать, на этот раз губку прикусить). Такими легкими приемами создается образ, доводящий нетребовательных зрителей до экстаза. Для меня же недостатки вокала и

нетонкость, схематизм этих актерских приемов разрушают образ (вернее, и не создают его), а поджатые губки так и остаются поджатыми губками и не имеют ничего общего с песней Леля из оперы «Снегурочка». Отсутствие образности пения приводит к тому, что арии Вани из «Жизни за царя» Глинки, Лауры из «Каменного гостя» Даргомыжского, сцена гадания Марфы из «Хованщины» Мусоргского, перепетые тысячу раз в театре, сказываются похожими одна на другую, да и спеть партию Марфы — еще не значит передать образ демонической раскольницы. Чтобы покончить с ариями из опер, нужно вспомнить и финальный блок концерта из опер зарубежных композиторов, который должен был поставить триумфальную точку. Моцарт, Бизе, Верди. Все похоже, как две капли воды. Остается только пожалеть зрительный зал, аплодирующий такому исполнению арии Керубино. Про песню Азучены из «Трубадура» Верди и сегидилью Кармен вообще вспоминать не хочется. А исполнение романса Сантуццы из «Сельской чести» Масканьи было явным просчетом: мол, и я не хуже Образцовой! Я уж не говорю про то, что в зале прозвучали лишь шлягерные мелодии, а духи загадочных цыганок и страстной сицилианки так и не снизошли на нас.

И все же если сцена или ария еще как-то может закамуфлировать и технические погрешности, и вкусовые просчеты, то исполнение романсов становится настоящей Голгофой для певцов, берущихся не за свое дело. А то, что Синявская и Могилевская, исполнявшие романсы русских композиторов (забудем о «Тумане» Респиги, который, скорее, выглядел нонсенсом в этом концерте), взялись не за свое дело, я могу спорить до хрипоты. Истончающийся звук, внезапно переходивший к получувственному клокотанию в нижнем регистре, провалы в голосе и плохая дикция не позволили даже проиллюстрировать романсы Глинки «Я помню чудное мгновенье» и «Я ли в поле да не травушка была» Чайковского. А отсутствие нюансировки, монотонность и заунывность не могли не испортить исполнение романсов «Ты куда летишь, как птица» Чайковского и «Ночь печальна» Рахманинова. Романсы Рахманинова вообще оказались самой неудачной частью программы из-за технических погрешностей дуэта исполнителей. И о каком художественном творчестве можно говорить, когда в романсах «Отрывок из Мюссе» и «Я жду тебя» и певица, и концертмейстер допускали такие вольности, что дух

захватывало? В постлюдии «Отрывка из Мюссе» маститая аккомпаниаторша из Большого выглядела беспомощной школьницей, не выучившей урок. Ее постоянные расхождения с певицей, весьма непрофессиональная пальцевая техника, как и не исполненная целая страница из клавира третьей песни Леля, вызывали недоумение. Синявская же демонстрировала в романсах весьма вольное толкование своей партии, а кульминационные всплески могли составить честь лишь участникам надвигавшегося финала конкурса «Песня-94».

В конце хочется сказать что-нибудь доброе. Был светлый момент и в этом «избранном». Сцена Варвары из оперы Щедрина «Не только любовь». Партия, с которой практически начинала свою карьеру Синявская. Первая часть песни — прозвучала серьезно и глубоко. Но с началом второй

части — частушек — и это впечатление развеялось в прах. Почуввав в слушателях «легкую наживу», Синявская опять окунулась в стихию «пожимающихся» плечиков и закатанных глазок. Опять, читатель, я скатываюсь на злословие. Что делать? Когда смотрю на самодовольное выражение, не сходящее с лица артистки весь концерт (а как же — успех, букеты

цветов), слышу, как раздраются поклонники и большетеатровские клакеры (и их я успел заметить), не могу не удариться в сравнение. Другие меццо-сопрано из Большого подводят итог своей карьеры, перебирают в памяти города, театры и концертные залы, в которых они выступали: «Ла Скала» и «Метрополитен», Зальцбург и Вена. Что вспомнить Синявской? Десяток вводов в старые спектакли, провальную постановку «Кармен» или концерты с одним и тем же репертуаром из года в год? И несмотря на звание и популярность, на ум приходит лишь одно выражение «не состоялась». Кто виноват в этом: сама ли артистка, не работавшая над собой (сходите на любой спектакль с ее участием — рутина), наша ли «система», критикой которой заняты сейчас повсеместно?

И все же Синявская — фигура значительная в нашем оперном искусстве. Вряд ли мы найдем

другого артиста, вся жизнь, все творчество которого стали символом несбывшихся надежд русской оперы. Двадцать лет назад, когда еще ничто не предвещало бури, а русские оперные певцы, отве в Милане, возвращались домой, где тоже модно было петь оперный репертуар, меломаны ходили в театр частенько. Сейчас, когда от наших оперных домов остались буквально одни руины, а

Россия щедро одаривает весь мир роскошными голосами (навсегда! безвозмездно!), умерла даже надежда увидеть или хотя бы услышать что-нибудь стоящее. А театры и концертные залы заполняет иная публика. И .покуда она будет рукоплескать таким выступлениям, мы по-прежнему с тоской будем смотреть на Запад, А Тамара Синявская уже навсегда останется символом несбывшихся надежд. Своих ли? Русской оперы.

Вадим Журавлев, Независимая газета, 29 ноября 1994 года